

Марина Могильнер
**Раса в России
как фигура умолчания**

Marina Mogilner

Race in Russia as a Figure of Omission

Марина Могильнер (Иллинойский университет в Чикаго; доцент российской и восточноевропейской интеллектуальной истории (именная профессура Эдварда и Марианы Таден) исторического факультета; кандидат исторических наук; PhD) mmogilne@uic.edu.

Marina Mogilner (PhD; Associate Professor, Edward and Marianna Thaden Chair in Russian and East European Intellectual History, Department of History, University of Illinois at Chicago) mmogilne@uic.edu.

Ключевые слова: раса, расизм, историография, империя

Key words: race, racism, historiography, empire

УДК: 316.7; 572; 930

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_220

UDC: 316.7; 572; 930

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_220

В статье автор задается вопросом о причинах отсутствия в современных исследованиях истории и культуры Российской империи и СССР серьезной рефлексии о расе о расизме. Подчеркивая современную политическую актуальность такой рефлексии, автор тем не менее указывает на ограниченность исключительно идеологической мотивации. В первой части статьи предлагается понимание «расы» как механизма избирательной эссенциализации различий. Во второй — разбираются последствия расхождения в русистике традиций изучения модерности и имперских формаций, которые привели к маргинализации «расы» как исследовательской проблематики.

In the article, the author asks the question about the reasons for the lack of serious reflection on race and racism in contemporary studies of the history and culture of the Russian Empire and the USSR. Emphasizing the political relevance of such reflection, the author, nevertheless, points to the limitations of exclusively ideological motivation. The first part of the article proposes an understanding of “race” as a mechanism for the selective essentialization of differences. In the second the author analyzes the consequences of the divergence in Russian studies of the traditions of studying modernity and imperial formations, which led to the marginalization of “race” as a research problem.

Стремительная эрозия железного занавеса с конца 1980-х годов привела к тому, что в течение неполного десятилетия и практически одновременно в научный оборот были введены все основные теории и подходы мирового обществоведения XX века. Тексты 1920-х и 1990-х годов оказались в равной степени новы для постсоветской историографии и в этом смысле актуальны. Цивилизационный подход и история ментальностей, гендерная теория и постструктурализм, неомарксизм и новая социальная история, микроистория, пространственный поворот, исследования наций и национализмов, фрагменты постколониальной теории, новая интеллектуальная история, история понятий — все это начало осваиваться одновременно, формируя причудливые бриколажи, напроочь игнорирующие интеллектуальные генеалогии и актуальные контексты формирования и приложения тех или иных подходов. В специфической постсоветской ситуации политики знания многие концепции, отражавшие демократизирующие социальные перемены 1960-х годов и формулировавшие новые

парадигмы социальной критики, были переосмыслены как консервативные инструменты генерирования и воспроизводства новой элитарности. Овладение модной терминологией вовсе не обязательно вело к деконструкции гегемонных нарративов (например, в гендерных исследованиях); новая социальная и культурная история развивались в отрыве от их оригинального неомарксистского «базиса»; Эдвард Саид прочитывался как политическая критика Запада, в то время как анализ эпистемологической гегемонии в «Ориентализме» и других текстах постколониальной традиции оставался невостребованным [Бобровников 2008]; формальное освоение теоретического репертуара дисциплины изучения наций и национализма способствовало легитимации историографического национализма и т.д.

В данном случае я лишь указываю на заметные и где-то даже преобладающие тенденции. Безусловно, в постсоветской российской историографии всегда были исследователи, которые работали с глобальным методологическим репертуаром критически и осознанно. Однако сам институт социальных наук играл в целом перформативную роль, отказываясь от актуальной социально-политической критики. Одномоментно обрушившийся на ученых объем нового знания и идей почти исключительно являлся иностранным заимствованием, сформировав компрадорскую структуру постсоветской академии. Иностранное, оно же современное, знание являлось привилегией, предполагавшей возможность качественного изучения иностранных языков в школе и университете, доступ к иностранным библиотекам, стажировкам и аспирантурам, а в конечном итоге — к грантам (в 1990-е годы) и административному ресурсу в путинской неолиберальной академии (см.: [Gerasimov, Semyonov 2022]). Привилегия «продвинутых ученых» гарантировалась их «системностью», без которой их роль компрадоров-посредников между высшим западным знанием и местной примитивной экономикой знания теряла смысл¹. Поэтому новые идеи и модели либо представлялись в максимально безвредном виде, либо излагались птичьим языком, демонстрирующим совершенство владения эксклюзивным жаргоном. При этом цензурировались сюжеты, чреватые политическим дискомфортом.

Одним из таких сюжетов была проблематика расы и расизма. Начиная с 1970—1980-х годов постколониальная и гендерная критика и критическая расовая теория способствовали переосмыслению «расы» как сугубо биологического концепта и породили волну исследований эссенциализации и взаимоналожения классовых, гендерных и этнических категорий в процессе расоизации. Но именно эта «интеллектуальная мода» никак не затронула российское научное сообщество. Не имея собственного интереса к проблеме расы (что только подчеркивает поверхностность восприятия гендерной или постколониальной теорий), российские ученые в данном случае не испытывали и давления со стороны зарубежных коллег-русистов. Так, один злобный рецензент моей книги о расовой науке в Российской империи (вышедшей в издательстве «НЛО» в 2008 году) уверенно называл историческую реконструкцию расового мышления «политикой, опрокинутой в прошлое» (перефразируя М.Н. Покровского). После столетий расизма, писал этот рецензент, «по закону маятника значительная часть американской академии откатнулась к противополож-

1 В этой связи любопытно заново перечитать форум «Провинциальная и туземная наука» [Провинциальная и туземная наука 2013].

ной крайности — само существование рас стало отрицаться. А затем, в полном соответствии с фрейдовским принципом проекции, некоторые американские антропологи перешли в наступление и принялись искать расистов в других странах. По-русски этот принцип называется не вполне научно «с большой головой на здоровую»» [Козинцев 2009: 436].

Объявляя мою историю функционирования «расы» как научного языка разнообразия и инаковости в Российской империи рубежа XIX—XX веков вариантом американского вытеснения собственной вины (в расизме), этот критик явно кривил душой, поскольку глобальные исследования истории Российской империи и СССР игнорировали тему расы даже в США, где раса глубоко инкорпорирована в язык и политику идентичности. Лишь в последние пятнадцать лет американская русистика начала проявлять некоторый интерес к этой проблематике. Волны интереса возникали и затухали спорадически, оставляли следы на полях больших нарративов, но не оказывая на них серьезного влияния².

В современной России, цензурирующей обсуждение проблем, связанных с национализмом и расизмом, трудно ожидать развития критической расовой теории, истории расоизации политики или науки, а также исследований обыденного расизма (хочется думать, что тот самый злобный рецензент понимает ответственность постсоветских ученых за отказ рефлексировать исторически и политически обусловленную семантику научного языка и проблематизировать механизмы производства и социального функционирования знаний о человеческом разнообразии). Но и в западной русистике остается открытым вопрос о том, насколько нынешний политический импульс, вызванный критикой системного расизма в США и внешней политикой РФ, сможет трансформироваться в продуктивную исследовательскую модель и новые, интересные исследования. В 2010 году, когда Американская ассоциация продвижения славистских исследований (AAASS) приняла новое название — Ассоциация славистских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES), — отказ от славяно- и русоцентризма не сопровождался переосмыслением политических и эпистемологических оснований подходов и объектов исследования, структурирующих нашу дисциплину. За формальным переименованием не последовала серьезная дискуссия о литературном или историографическом каноне (канонах), языковом протоколе и, главное, аналитических категориях, которые мы используем или не используем по умолчанию, задавая параметры изучения огромного и сложного региона. Раса лишь одна из таких недоосмысленных в нашей дисциплине категорий. Она важна тем, что позволяет иначе взглянуть на историю конструирования различий и схожести, проведения видимых и невидимых границ; внимание к расе позволяет аналитически децентрировать, гибридизировать и усложнить понимание имперской и советской модерности.

Я надеюсь, что переоткрытие «расы» как категории анализа будет сопровождаться серьезной эпистемологической критикой существующих канонов и парадигм. Перефразируя замечание Джофа Или о гендере, эта работа долж-

2 Все работы на тему расы можно собрать в одной сноске: [Avrutin 2002; 2007; Blakely 1986; Blitstein 2006; Bojanowska 2018; Edgar 2006; Glebov 2021; Hirsch 2002; Khalid 2006; Lemon 1995; 2002; Matusevich 2007; Mogilner 2013; 2016; 2019; Rainbow 2019; Sloin 2017; Tolz 2011; 2014; Weiner 2002; Weitz 2002a; 2002b].

на привести к тому, что «раса» «перестанет быть просто “полезной категорией исторического анализа” и превратится в необходимую категорию, позволяющую достичь более высоких форм понимания» [Eleu 2005: 7]. Соответственно, в этом эссе меня интересуют два вопроса: почему глобальная русистика и новые евразийские/восточноевропейские исследования до последнего саботировали серьезную работу с расовой эпистемологией и какие «более высокие формы понимания» она предлагает исследователям бывших Российских империи и СССР как сложных имперских формаций?

В моей предыдущей книге, «Номо Империи», я попыталась ответить на второй вопрос, продемонстрировав, что «раса» являлась одним из языков имперской саморефлексии и модернизации [Могильнер 2008]. В этом смысле мой ответ и мое понимание расы согласуются с несколько громоздким, но исключительно полезным в исследовательском смысле постструктуралистским пониманием расы, предложенным Жеральдин Хенг в ее известной книге 2018 года «Изобретение расы в европейском средневековье»:

[Раса — это] ...одно из имеющихся у нас базовых наименований — которое мы ценим за заложенные в нем эпистемологические, этические и политические ориентиры — для обозначения устойчиво воспроизводящейся тенденции (с исключительно серьезными последствиями) определять людей по различиям между ними, избирательно эссенциализируя последние как абсолютные и фундаментальные, служащие основанием для неравномерного распределения позиций и власти между человеческими группами [Heng 2018: 3].

В «Номо Империи» я, по сути, предвещаю подход Хенг, но применительно к модерному периоду, когда избирательная эссенциализация опиралась на науку и когда критерии инаковости даже в гуманитарных исследованиях и новых науках о человеке конструировались по модели естественных (точных, верифицируемых) научных дисциплин. Кроме того, я примеряю этот подход к имперской ситуации, где центры производства знания и центры власти часто не совпадают и где различные акторы как сверху, так и снизу адаптируют язык расы к своим специфическим обстоятельствам и целям. Соответственно, они предлагают разные, часто конкурентные версии «неравномерного распределения позиций и власти между человеческими группами» и демонстрируют различия даже внутри того, что в исследованиях зачастую фигурирует как некая социологическая абстракция монолитного государства — источника политического притеснения и колониальной гегемонии³. Расоизация укореняла коллективных имперских субъектов в «объективных» структурах большой длительности, которые номинально кодировались как культурные или биологические, но на практике всегда были гибридными. Для российских приверженцев расового дискурса принципиальным являлись его модерность, научность и универсальный характер, расширявшие возможности глобальной политики сравнения. В книге я показываю, что между расовой наукой и расоизирующим мышлением, с одной стороны, и расизмом — с другой, нет простой и буквальной связи и что импульс для последовательной политизации «расы» обычно приходит извне, подчеркивая ненейтральный характер процесса производства знания в принципе. В национализирующей империи рубежа XIX—

3 Более подробно см.: [Mogilner 2021].

XX веков обращение к расе легитимировало как различные версии иерархий и неравного распределения власти, так и гибридность как принцип имперского самоописания (концепция смешанной расы, инструментализированная как принцип политической организации). В то же время и во многом именно в контексте глобальной политики сравнения в этот период «раса» активно использовалась как язык критики «архаичности» российской имперскости и династического режима, не спешившего включить «расу» в официальный репертуар политики разнообразия и продолжавшего полагаться на другие категории различия (родной язык, сословие, место рождения и жительства). Поэтому критику империи через расовый дискурс продвигали как адепты модернизации по модели «империи знания» или империи как государства наций, так и активисты антиимперских движений. Последние часто делали ставку на саморасоизацию.

Мои новые книги — «Забег в будущее (или Раса для будущего)⁴: научные проекты современной российской еврейскости» и «Евреи, раса и политика разнообразия: Владимир Жаботинский против Российской империи» — развивают именно эту тему, исследуя «расу» как язык антиимперского и антиколониального национализма⁵. Саморасоизация в данном случае выступает как субалтерная стратегия отделения национального тела от тела имперского. Язык расы позволяет представить империю (империализм, колониализм) как неестественные формации и процессы, пресекающие естественное развитие аутентичных — природных, первичных и длящихся — наций. Герой моей второй книги, Владимир Жаботинский, артикулировал эту мысль многократно, но впервые — в 1903 году, который знаменовал его трансформацию из российского имперского интеллигента без выраженной национальной идентификации в человека, осознанно определяющего себя как еврея и сиониста: «Естественные факторы создают *расу*. Сложная, кипучая путаница экономических факторов коверкает и видоизменяет расовые признаки... Но если прогресс когда-нибудь урегулирует этот водоворот многообразных экономических интересов... именно тогда принцип расы, до тех пор заслоненный другими влияниями, выпрямится и расцветет»⁶.

Если рассматривать политические, культурные и научные дискуссии рубежа веков из этой перспективы, их риторический репертуар, включающий «расу», выходит на передний план. Обязательные оппозиции естественных и неестественных факторов, тропы чистоты и аутентичности, обоснованные отсылками к современным научным теориям, формировали язык постколониальной денатурализации империи. Гибридные, ситуационные, многослойные и даже местные формы идентификации отвергались на основе научных, политических и эстетических соображений. Так, Жаботинский выражал базовую колониальную дилемму, общую, как он считал, для всех нерусских (украинских, грузинских, даже польских) интеллектуалов через бинарную оппози-

4 Название построено на игре слов, по-английски *раса/забег*, поэтому первая часть может переводиться двояко.

5 Первая книга, «A Race for the Future: Scientific Visions of Modern Russian Jewishness», выходит в Harvard University Press 1 ноября 2022 года [Mogilner 2022]. Вторая книга, «Jews, Race, and the Politics of Difference: The Case of Vladimir Jobotinsky against the Russian Empire», готовится к выходу в Indiana University Press осенью 2023 года.

6 *Altalena*. Вскользь: О национализме // Одесские новости. 1903. № 5874. 30 января. С. 4.

цию провинциализма, естественности и чистоты — и столичности, урбанности и гибридности. Нерусские культуры империи он сравнивал с «деревней», с глубокой провинцией, предвосхищая постколониальную критику тотального эпистемологического доминирования, заставляющего искать «чистые» формы мысли, искусства или социальной организации колонизованных в частном и глубоко провинциальном пространстве. Акт ухода из этого провинциального мира в имперский метрополис, символический Рим (любимый город Жаботинского после Одессы), он считал национальным предательством, актом глубоко неестественным и потому непростительным⁷.

Такая эссенциализация чистоты и границ национального тела на рубеже веков вызывала сложные реакции, особенно у тех, кто в логике имперского стратегического релятивизма не понимал и не воспринимал жесткий язык идентичности, который мы сегодня, следуя за Роджерсом Брубейкером, называемым группизмом (воображение группности как «большой, делящейся, внутренне гомогенной и внешне четко очерченной границами» [Brubaker 1998: 292]⁸). С другой стороны, постколониальный язык Жаботинского выражал смыслы, важные для его единомышленников. Один из них, например, чутко выделил в тексте Жаботинского описание того, что сегодня мы бы назвали колониальной мимикрией: «Вы (евреи. — М.М.) очень способны, но камаринскую любой деревенский парень лучше вашего протанцует. А посему мой вам совет, не кривляйтесь и будьте таковыми, каковыми вас создала природа и ваша долготелная история»⁹. Действительно, в сконструированном Жаботинским мире бинарных оппозиций пляшущий русский деревенский мальчик — естественный продукт своей расы и национальной почвы — подчеркивал неестественность еврейского участия в «русской» культуре (гримасничанья, кривляния). Обращение к языку расы позволяло Жаботинскому описывать ситуацию субалтерности: «Со дней Бар Кохбы мы больше не принимаем никакого активного участия в нашей собственной истории», все события вокруг происходят «не по нашей воле и даже не нами вызываются»; современный еврей — это «“не я”, и надо смыть его (слой чужеродных наслоений. — М.М.), чтобы добраться до “я”»¹⁰.

Императив расоизированной аутентичности гораздо больше подходил для целей политической мобилизации в национализирующей империи, чем язык имперской гибридности («русский еврей»; мусульманин, интегрированный в несколько языковых и культурных традиций и идентифицирующийся конфессионально). «Я не могу отказаться от своей двойственной природы», — отвечал Жаботинскому народник, писатель и этнограф Владимир Богораз (Тан). Поскольку я еврей и поскольку русский, я сам не знаю. Если хотите узнать, вырежьте сердце и взвесьте»¹¹. Пример Богораза-Тана особенно интересен — как этнограф и просто широко образованный и политически активный человек он был знаком с современной ему расовой наукой и новым ационализмом, основанным на тропах чистоты и аутентичности, не хуже

7 Жаботинский В. Письмо (О «Еврейях в русской литературе») // Свободные мысли. 1908. 23 марта. С. 3.

8 См. также критику группистского воображения в: [Cooper, Brubaker 2000].

9 Ибн-Дауд. Заметки // Рассвет. 1908. № 5. С. 16.

10 Жаботинский В. Сидя на полу... // Еврейская жизнь. 1905. 14 (10) апреля. С. 21.

11 Тан В.Г. Евреи и литература // Свободные мысли. 1908. 19 февраля. С. 3.

Жаботинского. Однако Богораз предпочитал использовать этот арсенал критически и только в рамках практикуемых им сибирской этнографии и народнической журналистики, изобличая расизм в русском национализме и антисемитизме властей. Так, в качестве корреспондента «Русских ведомостей» Богораз интервьюировал председателя суда по делу о Гомельском погроме 1903 года Ивана Котляревского, аккуратно фиксируя расовый национализм своего респондента:

Еврейской ассимиляции нет. Этому противна антропология, которая учит, что еврейский тип в течение 4-х тысяч лет остается неизменным... «Я и Ренана читал, — скромно сообщил мне г. Котляревский. — И в древности было то же самое. Евреи всегда оставались вкрапленным элементом среди других народов. Этому не помогут никакие школы, никакие стремления еврейской молодежи к высшему образованию, ни русский язык, ни литература. Еврейская национальность глубже языка...»¹²

Выслушав Котляревского, Богораз сообщил ему, что тот рассуждает как сионист.

Иными словами, Богораз отвергал язык расовой группности в принципе, не делая различий между антисемитами типа Котляревского, выступавшими от лица гегемонного проекта русского национализма в национализирующей империи начала XX века, и сионистами типа Жаботинского, выражавшими антиколониальный национализм притесняемых. Но в полемике с ними Богораз занимал слабую позицию, поскольку не мог предложить альтернативной, столь же «научной» и подходящей для эпохи современной массовой политики, идиомы группности. Если в случае Котляревского раса просто объективировала колониализм, в случае Жаботинского последовательная расоизация переворачивала эту реальность с ног на голову и позволяла сформулировать логическое высказывание от лица колонизированных о том, «что их мир фундаментально иной. Колониальный мир — это манихейский мир» [Ғапон 1963: 6]. Богораз болезненно реагировал именно на манихейские оппозиции этого дискурса, обвиняя Жаботинского в том, что «он построил новый чулан и зовет нас туда из нашего светлого зала»¹³ (оппозиция метрополии и провинции). Если Жаботинский доказывал, что расовая неприязнь является естественной реакцией на невозможность вести «нормальную национальную жизнь», Богораз признавался: «...к одесским босякам и волынским союзникам, которых те, кому надо, науськивают из чайных, — у меня все-таки нет мстительного чувства... Это не они виноваты, но бесы, которые в них вселились... “Прости их, Господи. Не ведают бо, что творят”»¹⁴. В основе их расхождения лежал вопрос о субъектности и личной (и коллективной) ответственности. Богораз считал любых представителей «народа» (сибирских «инородцев», гомельских евреев и их погромщиков-пролетариев) жертвами расизма и национализма властей. Жаботинский категорически отвергал любую виктимность и субалтерность. Все расовые/национальные группы, включая русских, которые в его представлении не могли вести естественную национальную

---

12 Тан В.Г. После погрома (из гомельских впечатлений) // Русские ведомости. 1904. № 356. 24 декабря. С. 3.

13 Тан В.Г. В чулане. К вопросу о национализме // Свободные мысли. 1908. 7 апреля. С. 3.

14 Там же. С. 3—4.

жизнь и поэтому противостояли друг другу на антагонистическом политическом поле империи, должны были преодолеть собственную субалтерность, обрести активную субъектность, принять ответственность за собственное настоящее и будущее, и очиститься от имперской гибридности. Для Жаботинского такая самодеколонизация являлась базовым условием политического гражданства. Десятилетия спустя ту же мысль афористично выразил Франц Фанон: «Деколонизация объединяет благодаря радикальному решению ликвидировать гетерогенность и объединиться на основе нации и иногда расы» [Ibid.: 10].

В раннесоветском контексте расоизация продолжала выполнять похожую работу, формируя жесткий язык группности в соответствии с предписаниями современной науки и усиливая аргументы в пользу той или иной конфигурации советских наций в большевистской модели государства наций. В то же время расоизирующее мышление помогало натурализовать социальные классы, проявляясь в генеалогических концепциях «классового происхождения» и в эссенциализации класса в целом (достаточно вспомнить о стигматизации рожденных в семьях классовых врагов). Расоизирующее мышление лежало в основе советской биополитики как версии постколониальной чистки/самоочищения. Как показали новейшие исследования происхождения ключевой советской категории группности — этноса, она сформировалась в те же годы, когда Жаботинский формулировал свой расовый антиколониальный сионизм в диалоге с другими антиимперскими активистами и в полемике с имперскими властями и представителями современного русского национализма (такими, например, как Петр Струве). Биосоциальная категория этноса возникла тогда, когда наука о расе еще не была дискредитирована, а, напротив, вдохновляла самые разные проекты социального реформирования — от социалистических и либеральных до консервативных и колониальных [Anderson et al. 2019; Mogilner, Glebov 2020]. Исследование «расы» и близких социобиологических категорий из этой перспективы предполагает археологию а-ля Фуко, требующую идентификации условий, при которых становится возможным знание, питающие определенный тип социального воображения и формы политического действия.

С моей точки зрения, такая археология, подразумевающая внимание к различным и часто ситуационно обусловленным структурным конфигурациям власти, колониальности, субалтерности и неравенства в целом, требует присутствия империи как контекстообразующей категории [Semyonov 2008]. Только так мы, как исследователи, можем уйти от жестких, манихейских, колониальных оппозиций, которые конструировали сами герои наших исследований, и проследить меняющуюся и сложную семантику расы, которая отражает постоянный процесс переговоров и стратегического выбора «избирательно эссенциализируемых» различий [Heng 2018]. В зависимости от имперской ситуации «раса» может быть оружием слабого или инструментом исключения и насилия, или тем и другим одновременно. Империя как контекстообразующая категория требует исторической реконструкции системы неравенства и одновременно выступает как аналитическая модель, которая постулирует наложение различных и не всегда взаимопереводимых типов различий (сословие, конфессия, национальное самоопределение, язык, регион, пол и проч.). Именно из этой перспективы мы можем увидеть «расу» как язык и нарратив, нуждающийся в плотном чтении (close reading) и интерпретации, а не как

заданную извне («с больной головы на здоровую») бинарную рамку. Более того, в исследованиях российской и советской имперских формаций мы часто сталкиваемся с «расой» не маркированной цветом или другими явными соматическими отличиями, и потому в большей степени полагающейся на эссенциализацию культурных категорий инаковости. Поздние национализирующие империи в целом активно задействовали подобные формы расизма, проводя жесткие границы внутри современных, мобильных и перемешанных в социальном и культурном отношении обществ. Сегодня мы наглядно наблюдаем подобную расоизацию в отношении украинцев в дискурсе российских СМИ.

Так или иначе, если переоткрытие «расы» в настоящей момент не сведется к текущей политической актуальности, оно потребует ответственного переосмысления Евразии как имперского пространства — организованного иерархически, но не регулярно; гетерогенного; политически демонстрирующего постоянное переопределение различий и основанных на них дискурсивной и политической власти и влияния. Империя как контекстобразующая категория для анализа социальных, политических и культурных процессов на пространстве Евразии и Восточной Европы способна превратить расу из «полезной», но необязательной категории анализа в «необходимую» категорию, действительно обещающую «более высокие формы понимания», о которых говорил Или [Eley 2005].

* * *

Почему же эти изменения не произошли раньше — в начале 1990-х, когда имперские исследования стали популярны и начали менять нашу дисциплину, или в начале 2000-х, когда все осознали, что самая большая ассоциация исследователей региона не может больше игнорировать его разнообразие и неравномерность? Объяснений может быть несколько, но я остановлюсь лишь на одном — на расхождении между исследованиями империи и исследованиями модерности в нашей дисциплине.

Начиная с 1990-х годов проблематика империи и модерности задавала главные векторы обновления «русистики/славистики»: через критическую и творческую адаптацию фуколдианской теории модерности и через деконструкцию и переосмысление России как имперской формации. «Ключи счастья» Лоры Энгельстейн положили начало дискуссиям о российском «сложносоставном отставании» (combined underdevelopment) и политике экспертной модерности [Engelstein 1992; 1993]. Представляя собой парадигмальную работу, которая, по сути, сформировала целое новое исследовательское направление, эта замечательная книга в то же время совершенно не видела империю как контекст, в котором недосформировалась та самая российская модерность (для Энгельстейн — в единственном числе). Приведу лишь один характерный пример: книга включает интересный анализ антропологических исследований Прасковьи Николаевны Тарновской, яркой представительницы ломброзианской школы криминальной антропологии, которая изучала проституток, женщин-убийц и воровок. При этом Энгельстейн оставляет нас в полном неведении относительно фиксации Тарновской на расовой чистоте героинь ее исследований, которые должны были быть унифицированы «с точки зрения

расы»¹⁵. Конструируя антропологическую норму и девиацию, Тарновская одновременно конструировала русскость и не-русскость (отметая всех, кто мог иметь еврейские, польские или иные корни). В отличие от нее, Энгельстейн работает с фуколдианской моделью модерности и потому воспринимает женщин из работ Тарновской как обобщенных крестьянок — унифицированный объект проекций столь же унифицированных современных экспертов в не вполне современном государстве.

Игнорирование империи как контекста остается характерной чертой работ, написанных в парадигме «школы модерности», берущей начало от книги Энгельстейн¹⁶. Пример тому — книга Даниэла Бира «Обновляя Россию», развивающая подходы «Ключей счастья» [Веер 2008]. Бир показывает структурную близость мышления экспертов в области психиатрии, медицины и прочих биосоциальных дисциплин в позднеимперский период и демонстрирует их дисциплинарную и политическую власть при большевистском режиме, но не проблематизирует имперскую, колониальную, или субалтерную позицию этих экспертов и объектов их биополитики. Например, один из героев книги Бира, профессор неврологии Киевского университета Иван Сикорский, был адептом современной биополитики и ратовал за поднятие культурного и бытового уровня крестьянства посредством внедрения мер санитарного и психиатрического контроля. Для Бира важна эта биосоциальная «фуколдианская» повестка, но не то, как она связана с расовым русским национализмом Сикорского и с критикой «архаической» не-национализированной империи. Поэтому Бир не учитывает, что экспертный дискурс Сикорского отражал не только его дисциплинарную специализацию как невролога и психиатра, но и его видение имперской ситуации. Сикорский смотрел на империю из Киева, где польский, украинский и еврейский национализмы оказывали успешную конкуренцию русскому национализму. Он, к примеру, доказывал, что украинцы не нация, потому что они в расовом отношении не отличаются от великоросов. Профессор Сикорский призывал переустроить Российскую империю так, чтобы русская метрополия напоминала современное национальное государство и была четко отделена от колониальных периферий. В его научном и политическом дискурсе «раса» играла важную роль и переходила в расизм¹⁷. В этом смысле Сикорский не был типичным современным экспертом и даже типичным русским националистом, расходясь во взглядах со многими академическими коллегами и приверженцами национализации политики в империи. Все они являются героями книги Бира, но парадигма изучения модерности, в которой он работает, не восприимчива к подобным различиям. Подобно тому, как рефлексия имперского разнообразия в антропологии Тарновской оказалась в слепой зоне у Энгельстейн, Бир не обращает внимания на то, что в своих работах

15 См., например: *Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы: антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. СПб.: Т-во художественной печати, 1902; *Тарновская П.Н.* Антропометрические исследования проституток, воровок и здоровых крестьянок — полевых работниц (заседание 21 ноября 1887 г.) // Протоколы заседаний общества психиатров в С.-Петербурге за 1887 год. СПб.: [Б.и.], 1888; *Тарновская П.Н.* Воровки (антропологическое исследование). СПб.: Типография дома призрения малолетних бедных, 1891.

16 Как пример см.: [Hoffmann, Kotsonis 2000].

17 *Сикорский И.* Что такое нация и другие формы этнической жизни? Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1915. Подробнее о Сикорском см.: [Mogilner 2013: 167–200].

о «психических» эпидемиях у крестьян-сектантов Сикорский решает задачу гомогенизации нормативной, сильной и здоровой русскости и вынесения за ее рамки опасной психической заразы, исходящей от сектантов как неполноценных русских.

Подобная избирательная слепота парадигмы модерности в нашей дисциплине не является случайной и связана с прочтением ее представителями Фуко, который описывал принципиально неколониальную и неимперскую модерность. В западной традиции эту работу за него проделала Энн Столер: она про работала лекции и маргиналии Фуко и адаптировала его идеи и подходы к близкой ей проблематике изучения имперских формаций. Эта операция позволила инкорпорировать (по Столер — сделать очевидным имплицитное присутствие) «расу» и другие категории различия в оригинальный фуколдианский проект [Stoler 1995: 8]. При этом даже Столер была вынуждена признать, что Фуко смотрит на модерность «из метрополии» и позиционирует ее «вне силовых полей, в которых циркулировало имперское знание и создавался желаемый субъект» [Там же]. То же самое имел в виду Джеймс Клиффорд, когда говорил о «тщательном этноцентризме» Фуко [Clifford 1988: 265]. К сожалению, эта важнейшая критика прошла мимо школы модерности в нашей дисциплине. Не отреагировали ее представители и на дискуссию о стратегическом эссенциализме и стратегическом релятивизме имперских формаций, вдохновленную критической рецепцией постколониальной теории. Стратегический релятивизм как выражение логики имперского режима управления различиями делает очевидным неадекватность любого монологичного объяснительного нарратива в изучении империй, любого взгляда на модерность «из метрополии», который не помещает ее в релевантный гетерогенный, иерархичный и неравномерный имперский контекст¹⁸.

Без подобной дискуссии об имперской модерности — по сути, о современных сложных обществах — только и остается замерять уровень власти унифицированных экспертов и дискурсов или сравнивать частотность использования столько же унифицированным научным сообществом категории «расы» (по сравнению с условными американским или британским научными сообществами). Проблематика, которая требует анализа эссенциализации (расоизации) социальных и культурных различий, их адаптации к требованиям «модерности», остается за бортом. Ключевые категории — эксперты, государство, наука, политика и прочие — воспринимаются как самоочевидные, что никогда не верно в имперской ситуации неравномерного, несистемного и при этом иерархичного разнообразия. Империя как контекстообразующая категория заточена на конструирование и управление различиями, но она отсутствует в исследованиях, которые унаследовали «стратегический эссенциализм» фуколдианской модели. Поэтому работы, имеющие широкий резонанс среди исследователей имперских формаций, не оказывают парадигмального влияния на магистральные исследования модерности — имперской и советской. Так, концепция «режима имперских прав» (*imperial rights regime*), сформулированная Джейн Бурбанк и позволяющая осмыслить неравномерность правового

18 Термин «strategic relativism» сформулирован как оппозиция «strategic essentialism», который, по Гаятри Чакраворти Спивак, характеризует модерную эпистему группности [Chakravorty Spivak 1988: 205]. О «стратегическом релятивизме» подробнее см.: [Gerasimov, Glebov 2009: 20].

пространства империи, занимает маргинальное место в историографии имперского гражданства и подданства, созданной в рамках фуколдианской версии модерности [Burbank 2006]. Исследования «расы» как одного из языков конструирования человеческого разнообразия самыми разными акторами, вовлеченными в производство современного знания или политики (см. сноску 1), до сих пор сосуществуют в нашей дисциплине с влиятельным Sonderweg-подходом, ставящим релевантность «расы» под сомнение. Вместо анализа стратегий и контекстов эссенциализации различий мы все еще спорим о биологических versus культурных критериях выделения расового дискурса и о социальной — не биологической — природе языка советской группности; о том, был ли у российской науки и административного аппарата империи некий иммунитет к «расе», и т.п.¹⁹ Пионерское исследование Питера Холквиста, который проследил рождение современной политики населения в среде имперской армейской элиты, в свое время стимулировало интерес к культуре этатизма и ее влиянию на экспертный дискурс при советской власти. Однако многие последователи Холквиста восприняли из его модели то, что в ней было от школы модерности, и растеряли характерную для Холквиста чувствительность к имперской социальной сложности и разнообразию [Holquist 2001]. Та же тенденция проявилась в отношении к литературе, созданной к недавнему столетнему юбилею революции 1917 года: имперский характер революции (например, в логике парадигмы «имперской революции» Джереми Аделмана [Adelman 2008]²⁰) или множественность революций и гражданских войн на территории империи оказались наименее востребованными в новом историографическом синтезе. Похожим образом работы Терри Мартина, Франсин Херш, и пока в меньшей степени Адиба Халида или Эндрю Слоина, посвященные советскому националстроительству, стимулировали исследования диалектики универсального (не-национального, над-национального) и национального в советском проекте [Hirsch 2005; Khalid 1998; 2015; 2021; Martin 2001; Sloin 2017]. Однако эти и другие подобные исследования не дестабилизировали сам концептуальный аппарат, с помощью которого описывается советская модерность, и не привели к радикальному пересмотру ее исторического нарратива, в основных чертах сложившегося в 1960-е годы [Gerasimov 2021]. Недостаточная проблематизация империи в рамках школы модерности, при всем деконструктивистском потенциале, в ней заложенном, продолжает стимулировать руссоцентризм и вариации на тему «особого пути». Исследования «расы» стали прямыми заложниками этой ситуации.

«Культура вполне может функционировать как природа; в частности, она может замыкать индивидуумов и группы в генеалогии, в неизменяемую и нематериальную по происхождению детерминированность», — так Этьенн Балибар суммировал сложившийся в современных гуманитарных и социальных науках консенсус [Balibar 1999: 22]. Поразительно, что, несмотря на многочисленные подтверждения сказанного в работах представителей имперских исследований в нашей дисциплине, да и на общую тенденцию к росту национализма и расизма, которую мы наблюдаем как в изучаемом нами регионе, так

19 Наиболее последовательная версия Sonderweg-подхода к проблематике «расы» в: [Knight 2000; 2012].

20 Важное исключение представляет работа Александра Герасимова [Gerasimov 2017] и некоторые тексты в сборнике [Lohr et al. 2014].

и за его пределами, «раса» все еще остается наименее осмысленной категорией евразийских и восточноевропейских исследований. Для изменения ситуации одних идеологических стимулов недостаточно, и необходимо аналитическое инкорпорирование империи как контекстрообразующей категории и аналитической модели в нашу исследовательскую оптику.

Библиография / References

- [Бобровников 2008] — *Бобровников В.* Почему мы маргиналы? (Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида) // *Ab Imperio*. 2008. № 9. С. 325—344.
- (*Bobrovnikov V.* Pochemu my marginaly? (Zametki na polyakh russkogo perevoda «Orientalizma» Edvarda Saida) // *Ab Imperio*. 2008. № 9. P. 325—344.)
- [Козинцев 2009] — *Козинцев А.* «Наука минус наука» // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 427—442.
- (*Kozintsev A.* “Nauka minus nauka” // *Antropologicheskiy forum*. 2009. № 11. P. 427—442.)
- [Могильнер 2008] — *Могильнер М.* Homo Imperii. История физической антропологии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (*Mogilner M.* Homo Imperii. Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2008.)
- [Провинциальная и туземная наука 2013] — [Бермус А., Бучатская Ю., Гапова Е. и др.] Форум: Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 9—236.
- ([*Bermus A., Buchatskaya YU., Gapova E. i dr.*] Forum: Provintsial'naya i tuzemnaya nauka // *Antropologicheskiy forum*. 2013. № 19. P. 9—236.)
- [Adelman 2008] — *Adelman J.* An Age of Imperial Revolutions // *American Historical Review*. 2008. Vol. 113. № 2. P. 319—340.
- [Anderson et al. 2019] — *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond* / Ed. by D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, S.S. Alymov. Cambridge, Eng.: Open Book Publishers, 2019.
- [Avrutin 2002] — *Avrutin E.M.* Racism in Modern Russia: From Romanovs to Putin. *Bloomsbury Academic*, 2002.
- [Avrutin 2007] — *Avrutin E.M.* Racial Categories and the Politics of (Jewish) Difference in Late Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. № 1. P. 13—40.
- [Balibar 1999] — *Balibar E.* Is There a 'Neo-Racism'? // *Balibar E., Wallerstein I.* Race, Nation, Class: Ambiguous Identities / Transl. by Ch. Turner. London; New York: Verso, 1999. P. 17—28.
- [Beer 2008] — *Beer D.* Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880—1930. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008.
- [Blakely 1986] — *Blakely A.* Russia and the Negro: Blacks in Russian History and Thought. Washington, DC: Howard University Press, 1986.
- [Blitstein 2006] — *Blitstein P.A.* Cultural Diversity and the Interwar Conjunction: Soviet Nationality Policy in Its Comparative Context // *Slavic Review*. 2002. № 2 (65). P. 273—293.
- [Bojanowska 2018] — *Bojanowska E.M.* A World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate Pallada. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2018.
- [Brubaker 1998] — *Brubaker R.* Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism // *The State of Nation*. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / Ed. by J. Hall. New York: Cambridge University Press, 1998.
- [Burbank 2006] — *Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. № 3. P. 397—431.
- [Chakravorty Spivak 1988] — *Chakravorty Spivak G.* In Other Worlds: Essays in Cultural Politics. New York, London: Routledge, 1987.
- [Clifford 1988] — *Clifford J.* The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.
- [Cooper, Brubaker 2000] — *Cooper F., Brubaker R.* Beyond “identity” // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. P. 1—47.
- [Edgar 2006] — *Edgar A.* Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet “Emancipation” of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective // *Slavic Review*. 2002. № 2 (65). P. 252—272.

- [Eley 2005] — *Eley G.* A Crooked Line: From Cultural History to the History of Society. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2005.
- [Engelstein 1992] — *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992.
- [Engelstein 1993] — *Engelstein L.* Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // *The American Historical Review*. 1993. Vol. 98. № 2. P. 338—353.
- [Fanon 1963] — *Fanon F.* The Wretched of the Earth. New York: Grove Press, 1963.
- [Gerasimov 2017] — *Gerasimov I.* The Great Imperial Revolution // *Ab Imperio*. 2017. № 2. P. 21—44.
- [Gerasimov 2021] — *Gerasimov I.* A New Soviet History: An Editor's Observations Thirty Years After the USSR // *Ab Imperio*. 2021. № 4. P. 27—54.
- [Gerasimov, Glebov 2009] — *Gerasimov I., Glebov S.* New Imperial History and the Challenges of Empire // *Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire* / Ed. by I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov. Leiden: Brill, 2009.
- [Gerasimov, Semyonov 2022] — *Gerasimov I., Semyonov A.* A Perspective from Russia // *World Humanities Report, CHCI*, 2022.
- [Glebov 2021] — *Glebov S.* Race and Politics: A History from Imperial Borderlands // *A Cultural History of Race in the Age of Empire and Nation State*. Vol. 5 / Ed. by M. Mogilner. Bloomsbury Academic, 2021. P. 93—110.
- [Heng 2018] — *Heng G.* The Invention of Race in the European Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- [Hirsch 2002] — *Hirsch F.* Race without the Practice of Racial Politics // *Slavic Review*. 2002. № 1 (61). P. 30—43.
- [Hirsch 2005] — *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.
- [Hoffmann, Kotsonis 2000] — *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / Ed. by D.L. Hoffmann, Y. Kotsonis. New York: St. Martin's Press, 2000.
- [Holquist 2001] — *Holquist P.* To Count, to Extract and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Ed. by R.G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 111—144.
- [Khalid 1998] — *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. University of California Press, 1998.
- [Khalid 2006] — *Khalid A.* Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective // *Slavic Review*. 2002. № 2 (65). P. 231—251.
- [Khalid 2015] — *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015.
- [Khalid 2021] — *Khalid A.* Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton University Press, 2021.
- [Knight 2000] — *Knight N.* Ethnicity, Nationality and the Masses: Narodnost' and Modernity in Imperial Russia // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / Ed. by D.L. Hoffmann, Y. Kotsonis. New York: Palgrave Macmillan, 2000. P. 41—64.
- [Knight 2012] — *Knight N.* Vocabularies of Difference: Ethnicity and Race in Late Imperial and Early Soviet Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 3. P. 667—683.
- [Lemon 1995] — *Lemon A.* "What Are They Writing about Us Blacks": Roma and "Race" in Russia // *Anthropology of East Europe Review*. 1995. № 2. P. 34—40.
- [Lemon 2002] — *Lemon A.* Without a "Concept"? Race as Discursive Practice // *Slavic Review*. 2002. № 1 (61). P. 54—61.
- [Lohr et al. 2017] — *The Empire and Nationalism at War* / Ed. by E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. von Hagen. Bloomington: Slavica Publishers, 2014.
- [Martin 2001] — *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.
- [Matusevich 2007] — *Africa in Russia, Russia in Africa: Three Centuries of Encounters* / Ed. by M. Matusevich. Trenton, 2007.
- [Mogilner 2013] — *Mogilner M.* Homo Imperii: A History of Physical Anthropology in Russia (Critical Studies in the History of Anthropology). Lincoln: University of Nebraska Press, 2013.
- [Mogilner 2016] — *Mogilner M.* Racial Psychiatry and the Russian Imperial Dilemma of the "Savage Within" // *East Central Europe*. 2016. Vol. 43. № 1—2. P. 99—133.
- [Mogilner 2019] — *Mogilner M.* Classifying Imperial Russianness: Race and Hybridity in the Nineteenth — Early Twentieth Century Russian Imperial Anthropology // *National Races: Transnational Power Struggles in the Sciences and Politics of Human Diversity, 1840—1945* / Ed. by R. McMahon. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2019. P. 205—240.
- [Mogilner 2021] — *Mogilner M.* Introduction // *A Cultural History of Race in the Age of Empire and Nation State*. Vol. 5 / Ed. by M. Mogilner. Bloomsbury Academic, 2021. P. 1—18.

- [Mogilner 2022] — *Mogilner M.* A Race for the Future: Scientific Visions of Modern Russian Jewishness. Harvard University Press, 2022.
- [Mogilner, Glebov 2020] — *Mogilner M., Glebov S.* The Transatlantic “Imperial Situation”: Archie Phinney, Early Soviet Ethnography, and Native American Visions of Progress // *Ab Imperio*. 2020. № 1. P. 27—38.
- [Rainbow 2019] — *Rainbow D.* Ideologies of Race: Imperial Russia and the Soviet Union in Global Context. Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2019.
- [Semyonov 2008] — *Semyonov A.* Empire as a Context Setting Category // *Ab Imperio*. 2008. № 1. P. 193—204.
- [Sloin 2017] — *Sloin A.* The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power. Bloomington: Indiana University Press, 2017.
- [Stoler 1995] — *Stoler A.L.* Race and the Education of Desire: Foucault’s History of Sexuality and the Colonial Order of Things. Durham, NC: Duke University Press, 1995.
- [Tolz 2011] — *Tolz V.* Russia’s Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- [Tolz 2014] — *Tolz V.* Discourses of Race in Imperial Russia, 1830—1914 // *The Invention of Race: Scientific and Popular Representations* / Ed. by N. Bancel, T. David, D. Thomas. N.Y.: Routledge, 2014. P. 133—144.
- [Weiner 2002] — *Weiner A.* Nothing but Certainty // *Slavic Review*. 2002. № 1 (61). P. 44—53.
- [Weitz 2002a] — *Weitz E.D.* On Certainties and Ambivalences: Reply to My Critics // *Slavic Review*. 2002. № 1 (61). P. 62—65.
- [Weitz 2002b] — *Weitz E.D.* Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // *Slavic Review*. 2002. № 1 (61). P. 1—29.